

А.Н. Пятаков*

**ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТЕСТОВ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ В 2019 Г.
ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ
И ЭКВАДОРСКИЙ CASE-STUDY**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

В статье проанализирован феномен глобальных социальных протестов, охвативших в 2019 г. более 20 стран мира. Рассмотрены наиболее яркие эпизоды этого процесса на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Западной Европе и Азии. Произведена периодизация циклов мировых протестов в XXI в., в которой актуальные глобальные волнения составляют третий этап. Проанализированы особенности каждого из этапов, отмечена тенденция к усилению политического и насильственного компонентов. Особый акцент сделан на анализе процесса разворачивания протестов в Латинской Америке, охватившего в разной степени не менее восьми государств региона: Гаити, Пуэрто-Рико, Венесуэлу, Эквадор, Перу, Боливию, Чили и Колумбию. В каждой из стран триггерами протестов служили факторы, обусловленные особенностями внутреннего развития и трудно поддающиеся унификации. В статье высказывается ряд политологических и социально-философских гипотез, призванных приблизиться к пониманию нового глобального явления. Есть основания полагать, что происходит «интернационализация» феномена французских «желтых жилетов» и его переложение на уникальные реалии географических точек, вовлеченных в данный протестный процесс. Проанализированы миграционные и социокультурные каналы «экспорта» протестов из Франции в Латинскую Америку. Высказанные рядом авторов предположения о социально-экономической обусловленности феномена глобальных протестов ростом неравенства и социальной поляризации представляются верными, но недостаточными для комплексного осмысления нового и сложного явления. В форме гипотезы в статье высказываются доводы в пользу правомочности использования такого социально-философского понятия, как «социальная сингулярность». Описаны его характеристики, ключевыми из которых являются

---

* Пятаков Андрей Николаевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

функционирование глобальной социальной сферы в онлайн-режиме и, как следствие, повышение скорости распространения социальных процессов в глобальном масштабе. В заключительной части статьи проанализированы предпосылки и общий ход социальных волнений в Эквадоре как «отправной точке» фазы эскалации протестов в Латинской Америке в 2019 г.

Ключевые слова: глобальные протесты, «желтые жилеты», антиглобализм, Латинская Америка, триггеры конфликтов, социальная сингулярность, Эквадор, «Гражданская революция», индейские движения, МВФ, неолиберализм.

Поднявшаяся в 2019 г. волна общественных протестов в Латинской Америке во многом оказалась неожиданностью для политического истеблишмента охваченных беспорядками стран. Став региональным «пазлом» в картине фактически общемирового протестного процесса, данное явление выступает очередным, казалось бы, случайным феноменом мировой политики последних лет. Вместе с тем есть все основания полагать, что современный мир входит в фазу турбулентности и неопределенности, и в этом контексте мировые социальные протесты, охватившие, особенно с октября 2019 г., Латинскую Америку и другие части света, — это преломление общемировых кризисных процессов.

Налицо всё более явная эрозия прежних, казавшихся устойчивыми схем и моделей развития. Всё чаще происходит, говоря словами американского философа ливанского происхождения Нассима Талеба, вылет «черных лебедей»: события вроде бы случайные, непредвиденные и не экстраполируемые из прошлого становятся знаком нашего времени. Избрание Дональда Трампа на пост президента США; Брекзит; необычайно упорные уличные протесты «желтых жилетов» во Франции; торговые войны Вашингтона и Пекина параллельно с политическим кризисом в Гонконге; самый мощный за последние 30 лет социальный взрыв в Чили по незначительному поводу; прокатившееся фактически по всей Латинской Америке «домино» социальных протестов; государственный переворот в Боливии, прервавший многолетнюю полосу политической стабильности и экономического динамизма; новая фаза арабской «весны» или «осени» от Алжира и Судана до Ливана и Ирака; пандемия новой коронавирусной инфекции с непредсказуемыми последствиями как для мировой экономики, так и для политики — всё это еще вчера казалось маловероятным, если не невозможным.

Теперь подобная неопределенность становится нормой мировой политики, прежние причинно-следственные связи рушатся. Развивая предложенную Н. Талемом метафору, можно предположить, что в будущем мир столкнется уже не с отдельными «черными лебедями», а с целыми «стаями». В непредсказуемости их «вылета» проявляется одна из важнейших черт современной эпохи: кризис познания и прогнозирования. Прежние общепринятые концептуальные модели не способны объяснить актуальные трансформации. Вместе с тем неопределенность есть логичное следствие нелинейности нашего мира, отражение этого состояния в общественном сознании и научном познании. Н. Талей утверждал в своей книге: «Беда в том, что мир гораздо менее линеен, чем мы привыкли думать и чем хотелось бы верить ученым» [Талей, 2009: 157].

Целью данной статьи является поиск максимально общей объективной обусловленности феномена латиноамериканских социальных протестов как органичной части глобального протестного процесса, развернувшегося в 2019 г. В статье реализованы метод анализа от общего к частному, а также эволюционно-исторический подход. Исследование носит междисциплинарный характер и проведено на стыке таких дисциплин, как регионалистика (в частности, латиноамериканистика) и социальная философия, с использованием философского, политологического и социологического понятийных аппаратов.

Феномен глобальных протестов 2019 г. в исторической ретроспективе: сравнение с предшествующими протестными волнами в XXI в.

Социальные протесты 2019 г. требуют концептуального осмысления и осознания как принципиально нового феномена, качественно отличающегося от предыдущих протестных процессов. В настоящей статье мы выскажем гипотезу, не претендуя на ее окончательность, относительно природы разворачивающегося на наших глазах глобального явления. Прежде чем перейти к теоретическому аспекту, остановимся на эмпирической стороне, напомним общую канву как общемировых, так и латиноамериканских протестов. В общей сложности в данный процесс в 2019 г. были так или иначе вовлечены более двух десятков стран: Алжир, Боливия, Великобритания, Египет, Гаити, Гвинея, Гондурас, Гонконг, Грузия, Испания (протесты в Каталонии), Индия, Иран, Ирак, Колумбия, Ливан, Мальта, Никарагуа, Пакистан, Пуэрто-Рико, Судан, Франция, Чили, Эквадор

и др. Мировая география прошедших в 2019 г. протестов вызывает у многих аналитиков исторические ассоциации, заставляя проводить аналогии с прежними революционными эпохами. Например, колумнист «Financial Times» Гидеон Рэчман не без основания утверждает: «Определенные годы в истории — 1848, 1917, 1968, 1989 — вызывают в воображении образы уличных протестов, массовых демонстраций и революционных беспорядков. Когда историки станут оценивать 2019 год в ретроспективе, они также будут иметь основания объявить его историческим годом народных волнений»¹.

Из событий недавнего прошлого вспоминается подъем антиглобалистского движения в начале XXI в. в странах Западной Европы, который можно разделить на два этапа.

Первый (его пик охватывает примерно 2000–2005 гг.) связан с выступлениями антинеолиберального характера в форме организованных протестных акций, реализуемых параллельно со знаковыми форумами и саммитами представителей международных финансовых организаций: Всемирной торговой организации (ВТО), Всемирного банка (ВБ), Международного валютного фонда (МВФ), «Группы восьми» («Большой восьмерки», G8) и др. Поначалу проводившиеся системно и регулярно практически каждый год, к 2007–2008 гг. эти выступления утратили накал. Самыми резонансными мероприятиями данного периода стали Всемирные социальные форумы, которые впервые прошли в Бразилии (в Порту-Алегри), а затем эстафетно передавались другим странам. Антиглобалистское движение охватило в указанный период и Латиноамериканский регион, сконцентрировавшись главным образом на сопротивлении проекту Зоны свободной торговли двух Америк (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA) [Пятаков, 2007], однако после срыва в 2005 г. межгосударственных переговоров по этому направлению также потеряло былую интенсивность.

Современные протесты косвенно соотносятся со второй волной антиглобализма, поднявшейся в начале 2010-х годов. Тогда протестные выступления по всему миру были связаны с такими движениями, как леворадикальные испанские «Возмущенные» («Indignados») и «Захвати Уолл-стрит» («Occupy Wall Street») анархистского толка в США [Сергеев, 2018]. В 2011–2012 гг. прототипы второго движения оперативно возникли в мегаполисах преимущественно стран

---

¹ Rachman G. 2019: The year of street protest // Financial Times. 23.12.2019. Available at: <https://www.ft.com/content/9f7e94c4-2563-11ea-9a4f-963f0ec7e134> (accessed: 09.02.2020).

метрополий мировой системы [Коротаев и др., 2017: 151]. Получив сильный, но кратковременный международный резонанс, вторая протестная антинеолиберальная волна также постепенно утратила как организационное, так и информационное влияние. Единственным конкретно-политическим последствием стало создание испанской леворадикальной партии «Мы можем» («Podemos») [Khenkin, 2016; Astakhova, 2016].

Возникает вполне оправданный вопрос: как с выделенными волнами глобального протеста соотносятся события «арабской весны» 2011 г.? На этот счет есть разные точки зрения. Например, исследователи из НИУ ВШЭ полагают, что «арабскую весну» можно рассматривать «в качестве триггера глобальной дестабилизационной волны 2011–2015 гг., но никак не в качестве ее причины» [Коротаев и др., 2017: 164]. Отметим, что протесты типа «Оссиуру» и «арабской весны» действительно не имеют в своей основе глубинной внутренней взаимосвязи, хотя и в высокой степени синхронизированы. Это выступления типологически разных подсистем глобального капитализма: первые преимущественно метрополитанской локализации, вторые — периферийной. По-видимому, «арабская весна» носила (или быстро приобрела) *субрегиональный* масштаб, обусловленный застарелыми конфликтами в Ближневосточном регионе [Социальный протест на современном Востоке, 2016], и не вызвала прямого глобального резонанса, поэтому, с нашей точки зрения, эти события выбиваются из логики *глобальных* протестов.

Глобальная протестная волна 2019 г. выступает в определенном смысле третьим «изданием» антинеолиберально-антиглобалистского движения, но с рядом принципиальных отличий. На уровне общих тенденций различие между волнами протестов касается, во-первых, особенностей взаимоотношений между левыми организациями и низовыми слоями «гражданского общества». При первых двух волнах массового подъема граждан не наблюдалось; основными целями леворадикальных акций было «пробудить» общественное сознание и создать информационный повод либо для собственного пиара, либо для стимулирования гражданской активности². Главными «действующими лицами» первых двух волн были как минимум

---

² Следует отметить, что латиноамериканский формат первой волны антиглобализма изначально был в высокой степени исключением из этой тенденции, поскольку политика навязывания «свободной торговли» затрагивала интересы широких масс (в частности, мелких и средних производителей). Это обусловило гораздо более широкий и массовый характер протеста против ALCA по сравнению с акциями западноевропейских антиглобалистов.

отдельные организации, как максимум — социальные движения. В современном же протестном процессе на уровне тенденции наблюдается обратное соотношение: левые организации и движения играют явно подчиненную, если не вторичную роль. В 2019 г. выступления в большинстве случаев возникали, казалось бы, спонтанно, и представители левых партий и организаций стремились, наоборот, «оседлать» и возглавить протест, который, как показывает, в частности, французская практика (неудачные попытки левых политиков Франции встать во главе «желтых жилетов»³), обходится и без лидерства.

Во-вторых, существенное отличие третьей волны антиглобалистских выступлений заключается в формах выражения протестов. В первой и второй волнах превалировали акционизм, нарочитая демонстративность, стремление эпатировать и шокировать общественность (исключение составляет, пожалуй, только эпизод с «арабской весной», который служит прообразом нынешнего протестного этапа). Налицо тенденция к усилению от этапа к этапу политизации и степени вовлеченности в реальную общественную жизнь. Антиглобализм начала 2000-х годов, по сути, был только демонстрацией недовольства и нередко походил на карнавальное самовыражение в подчас экстравагантных формах⁴, политические же последствия, если и были (отмена ALCA), определялись позициями правительств. Теперь же путем серьезных протестных действий достигаются конкретные социально-политические цели вплоть до смены власти.

В-третьих, еще одна важная отличительная черта заключается в отсутствии видимой, фиксируемой на поверхности как внешней, так и внутренней взаимосвязи между национальными «эпизодами» глобальной волны протестов в 2019 г. Первая волна антиглобализма была отчетливо подчинена внешней логике проведения саммитов и встреч транснациональных элит и представителей государств (в случае латиноамериканского антиглобализма эту функцию выполняли Саммиты Америк и другие официальные встречи). Вторая

---

³Pascale D. The populists trying to lure France's 'yellow vests' // Euronews. 07.02.2019. Available at: <https://www.euronews.com/2019/02/06/is-italy-s-di-maio-the-latest-politician-to-jump-on-the-yellow-vest-bandwagon> (accessed: 09.02.2020).

⁴В ходе социальных протестов в Латинской Америке против проекта ALCA и массовых шествий нередко можно было встретить шутовское обыгрывание названия самого проекта. Например, в Бразилии в 2003 г. группа демонстрантов шла с плакатом «ALCAholicos contra ALCA» (с исп. — «АЛКАголики против АЛКА»). Такой карнавальный подход был скорее правилом для всего начального антиглобализма в целом.

волна антиглобалистских протестов стала отсроченной общественной реакцией на глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. Нынешний же мировой протестный подъем внешне выглядит как «мозаика» разрозненных и внутренне никак не связанных социальных возмущений, порожденных эндогенными факторами и особенностями развития каждого из национальных государств, в которых разворачивались протесты.

Мировые «горячие точки» в 2019 г.

В разных странах, вовлеченных в нынешнюю глобальную протестную волну, триггерами служили различные факторы, обычно — непопулярные меры властей. Кульминация протестов пришлось на осень 2019 г.: большинство выступлений происходили в октябре–ноябре, хотя ряд ярких эпизодов имели место в начале и в середине этого «горячего» года (например, в Судане, Гаити, Пуэрто-Рико и др.). Поскольку системное и исчерпывающее изучение всех случаев протеста не является предметом настоящей статьи, выделим наиболее показательные, рассмотрев более подробно латиноамериканские.

Безусловно, базовым для понимания общего характера и направленности глобальных протестов является феномен «желтых жилетов» во **Франции**. Возникнув в 2018 г. как реакция на неолиберальную внутреннюю политику правительства Эммануэля Макрона, протесты носили децентрализованный и крайне тематически размытый характер, хотя и проводились системно и регулярно [Шумаков, 2019; Бурмо, Лапина, 2019]. После периодов спада и подъема к концу 2019 — началу 2020 г. произошло тематическое оформление протестов, и они сфокусировались главным образом на недовольстве пенсионной реформой.

Соседняя **Испания** в октябре 2019 г. пережила новую волну манифестаций, длившуюся несколько недель, на фоне затяжного кризиса вокруг каталонской автономии [Яковлев, 2018]. В это время проходили судебные слушания по делу лидеров автономистов. Акции протестующих с требованиями их освобождения достигли такого накала, что впервые с 2017 г. привели к насильственным столкновениям между полицией и манифестантами, а также к блокировке аэропорта Барселоны и ряда крупных автотрасс⁵.

---

⁵ Las protestas derivan en una oleada de violencia en Catalunya // La Vanguardia. 16.10.2019. Available at: <https://www.lavanguardia.com/politica/20191016/471019551059/protestas-sentencia-proces-cataluna-disturbios-violencia-mossos.html> (accessed: 09.02.2020).

Протесты в странах Ближнего и Среднего Востока дали толчок процессам, вышедшим далеко за пределы региона. В **Судане** после «хлебной революции» (демонстраций на фоне повышения цен на хлеб в декабре 2018 г.)⁶ страна вошла в полосу политического кризиса, завершившегося военным переворотом в апреле 2019 г., который положил конец тридцатилетнему правлению Омара аль-Башира. **Египет**, подписав в 2016 г. соглашение с МВФ⁷ и получив к 2019 г. серию многомиллиардных кредитов, был вынужден проводить политику жесткой бюджетной экономии. В результате в сентябре 2019 г. президент Абдель Фаттах ас-Сиси столкнулся с серией стихийных протестов с требованием его отставки⁸. В **Ираке** антикоррупционные протесты, развернувшиеся с 1 октября 2019 г., по наблюдениям обозревателей, стали самыми массовыми со времен Саддама Хусейна⁹ и привели к отставке премьер-министра Адила Абдель Махди. С 17 октября волна недовольства прокатилась по **Ливану**. Катализатором протестных акций с участием около четверти населения стало решение властей о введении налога на использование мессенджера WhatsApp (одной из мер по сокращению дефицита бюджета, наиболее чувствительной для молодежи)¹⁰. Следствием общественной мобилизации здесь также стала отставка премьер-министра Саада Харири 29 октября 2019 г. В **Иране** после 15 ноября 2019 г. акции гражданского неповиновения прокатились по всем ключевым городам. Активную роль сыграло студенческое движение. Начавшись из-за повышения цен на бензин, протесты быстро приобрели политический характер с требованием усиле-

---

⁶ Bianchi A. Sudan's bread revolution isn't just about bread anymore // ISPI, Italia. 15.09.2019. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/sudans-bread-revolution-isnt-just-about-bread-anymore-21992> (accessed: 09.02.2020).

⁷ IMF board approves Egypt's \$12 billion loan agreement, \$2.75 billion disbursed // Reuters. 12.10.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-egypt-imf/imf-board-approves-egypts-12-billion-loan-agreement-2-75-billion-disbursed-idUSKBN137005> (accessed: 19.02.2020).

⁸ Protesters and police clash in Egypt for second day running // The Guardian. 22.09.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/22/protesters-and-police-clash-in-egypt-for-second-day-running> (accessed: 19.02.2020).

⁹ 'They are worse than Saddam': Iraqis take to streets to topple regime // The Guardian. 27.10.2019. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/27/iraq-protests-aim-topple-regime> (accessed: 09.02.2020).

¹⁰ Lebanon protests: How WhatsApp tax anger revealed a much deeper crisis // BBC. 07.11.2019. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50293636> (accessed: 10.02.2020).

ния роли светских институтов государства¹¹. В **Алжире** протесты развивались с февраля 2019 г. на фоне электорального процесса и достигли максимального накала к декабрю. Примечательно, что «схема» действий протестующих во многом копировала модель Франции: если там «желтые жилеты» собирались по субботам, то в Алжире протестным днем стала пятница. Преемник ушедшего в отставку под давлением социальных протестов президента Абделя Азиза Бутефлики — бывший премьер-министр Абдельмаджид Теббун, избранный на высший пост в декабре 2019 г., — также стал объектом атаки «протестных пятниц», динамика которых не снизилась и в 2020 г.

Нынешняя волна протестов охватила и один из самых населенных, экономически и политически значимых регионов — Южную Азию. **Пакистан** пришел в движение 27 октября 2019 г. Марш протеста из Карачи в столицу был возглавлен крупнейшей оппозиционной религиозно-консервативной партией «Джамаат Улема-е-Ислами» («Jamiat Ulema-e Islam»). Спустя четыре дня манифестанты добрались до Исламабада и на протяжении двух недель блокировали ключевую транспортную артерию с требованием отставки премьер-министра Имрана Хана, который в июле 2019 г. принял пакет экономических мер, продиктованных МВФ¹². В **Индии**, имеющей давнюю протестную традицию [Лунев, 2015], поводом для выступлений, охвативших все ключевые мегаполисы, стали поправки к закону о гражданстве, предусматривающие для немусульман из Южной Азии получение паспорта по упрощенной процедуре¹³. Протест вскоре приобрел более широкую социальную повестку, и в начале 2020 г. прошла крупнейшая в истории мирового профсоюзного движения забастовка с участием около 250 млн человек¹⁴.

Однако, пожалуй, центральным вектором глобальной протестной волны стала Южная Америка, где к концу 2019 г. волнениями были охвачены все государства Тихоокеанского побережья.

---

¹¹ Iran protests: Who are the opposition in the country? // BBC. 16.01.2020. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51093792> (accessed: 18.02.2020).

¹² Five things to know about Pakistan's anti-government protests // Aljazeera. 06.11.2019. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/pakistan-anti-government-protests-191105110114858.html> (accessed: 18.02.2020).

¹³ Daniel V. Why people are protesting in India // The New York Times. 17.12.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/12/17/world/asia/india-protests-citizenship-muslims.html> (accessed: 10.02.2020).

¹⁴ Grevatt M. Biggest strike in world history: 250 million Indian workers // Workers World Party. 12.01.2020. Available at: <https://www.workers.org/2020/01/45470/> (accessed: 09.02.2020).

Латиноамериканская траектория глобальной протестной волны

В Латинской Америке разворачивание социальных протестов четко обозначилось в начале 2019 г. и достигло кульминации к осени, глубоко затронув по крайней мере восемь стран. Актуальная фаза социально-политической турбулентности стала результирующей роста конфликтности по мере отката «левого поворота» и укрепления правых тенденций в региональной политике [Визгунова и др., 2017]. В первое полугодие волнения охватили Гаити и Венесуэлу, а затем переместились в пять южноамериканских, а точнее, андских государств (Эквадор, Боливию, Чили, Перу и Колумбию) и одно карибское (Пуэрто-Рико). Именно на указанную пятерку стран пришелся пик социально-политических выступлений, поэтому точнее говорить не о латиноамериканской, а об андской протестной волне. Два южноамериканских гиганта остались в стороне от этого процесса. Относительное спокойствие **Бразилии** объясняется общественной апатией после прихода к власти правого популиста Жаира Болсонару. В **Аргентине** общественное недовольство, набиравшее силу все четыре года правления сторонника неолиберализма Маурисио Макри, было канализировано в электоральное русло: на выборах в октябре 2019 г. президентом был избран перонист Альберто Фернандес. Можно только предполагать, как отреагировало бы аргентинское общество на переизбрание М. Макри или на протесты в соседних странах, если бы они не совпали с выборами, но есть основания полагать, что протестный сценарий был бы очень вероятен.

«Входными воротами» в Латиноамериканский регион для нынешней протестной волны стало небольшое и одно из самых бедных государств — **Гаити**. Здесь протестная активность проявилась уже в феврале 2019 г., а пика достигла к сентябрю. Стоит напомнить, что Гаити, будучи страной франкоязычной, особенно подвержена влиянию французских социально-политических процессов. Упад на почву социально-экономического неблагополучия, информация об активности «желтых жилетов», охватывавшей и заморские департаменты Франции в Карибском регионе (Гваделупу, Гвиану, Мартинику), усилила протестные настроения гаитян. В сентябре 2019 г. прошла всеобщая забастовка против экономических мер, инициированных президентом Жовенелем Муазом по рекомендации МВФ. Недовольство простых жителей вызвали как конкретные меры правительства, так и коррумпированность властей и их приверженность неолиберальному курсу. Кроме того, в повестку протестов

был поставлен вопрос о фактическом контроле над государством миротворческих сил ООН (главным образом бразильского контингента), находящихся в Гаити уже 15 лет. Длившиеся больше месяца протесты унесли жизни 77 гаитян.

В **Венесуэле** поводом для антиправительственных выступлений стал факт самопровозглашения спикера Национальной ассамблеи Хуана Гуайдо «временным президентом» в январе 2019 г. Получив небывалый информационный резонанс, протесты не возымели никаких внутривнутриполитических последствий. Активная фаза выступлений здесь длилась до апреля 2019 г., но потом резко сошла на нет [Розенталь, 2019]. Парадоксально, но Венесуэла, самая внутривнутриполитически накаленная все последние годы страна с активной в протестном плане праворадикальной оппозицией, во втором полугодии 2019 г. фактически выбыла из числа нестабильных государств региона.

Следующей ареной социального протеста стало **Пуэрто-Рико**. Волну демонстраций в июле 2019 г. вызвал скандал, связанный с разоблачением частных разговоров губернатора Рикардо Росельо, — так называемый TelegramGate¹⁵. Общественность возмутили его гомофобские и дискриминационные высказывания. В ходе протестов, в популяризацию которых внесли большой вклад примкнувшие к ним медийные личности (например, поп-певец Рикки Мартин), Р. Росельо 24 июля подал в отставку. В истории Пуэрто-Рико это стало первым случаем досрочного ухода губернатора с поста с момента проведения первых выборов в 1947 г.¹⁶

В начале октября 2019 г. «грянули» социальные протесты в **Эквадоре**. Поводом стала отмена субсидирования цен на топливо, предусмотренная соглашением с МВФ как условие выдачи кредита. Более подробно эквадорский эпизод будет рассмотрен далее. Он запустил в Латинской Америке протестную волну, по охвату и остроте противостояния не имеющую аналогов в новейшей политической истории региона.

Параллельно с эквадорскими протестами в соседнем **Перу** проходили манифестации против принятого 30 сентября 2019 г. решения президента Мартина Вискаarra о роспуске парламента. Однако политический кризис не вызвал пока протестных акций

---

¹⁵Una guía para las revelaciones del #TelegramGate // Noticel. 13.07.2019. Available at: <https://www.noticel.com/ahora/gobierno/una-guia-para-las-revelaciones-del-telegram/1094937599> (accessed: 18.02.2020).

¹⁶Ricardo Rosselló anunció su renuncia a la gobernación de Puerto Rico // The New York Times. 24.07.2019. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2019/07/24/espanol/americ-latina/rossello-renuncia-puerto-rico.html> (accessed: 18.02.2020).

такого размаха и накала, как у соседей. Причина, очевидно, состоит в том, что конфликт ветвей власти носил узкокорпоративный характер и не затрагивал экономических интересов широких масс. Тем не менее Перу можно отнести к зоне социально-политической турбулентности.

Параллельно с эквадорскими волнениями начались масштабные протесты в **Чили**. Формальной их причиной стало повышение стоимости проезда в метро с 800 до 830 песо (с 67 до 70 рублей) — мера, неосмотрительно принятая властями в самый разгар протестов в Эквадоре — 6 октября. На следующий день чилийские студенты в массовом порядке стали брать станции метро штурмом и проникать туда без оплаты билета. Буквально за неделю в акции гражданского неповиновения были вовлечены и другие слои населения, протесты выплеснулись на улицы и быстро достигли максимальной степени эскалации (стычки с карабинерами, поджоги банков, разрушение станций метро и т.п.). Природа нынешних протестов в Чили усматривается в прорыве недовольства, накопленного за долгие годы неолиберального курса. Ключевым лозунгом протестующих стал слоган «дело не в 30 песо, а в 30 годах» (прошедших с момента падения режима Аугусто Пиночета). Весьма противоречивая внутренняя политика левоцентристских правительств способствовала консервации унаследованных от диктатуры социальных проблем, а приход к власти правых стимулировал их обострение [Дьякова, 2018]. Протесты в Чили стали выражением голоса молчаливого большинства, которое не было представлено в большой политике. На улицы вышли те, кто разочаровался в электоральной демократии. В последние годы в Чили довольно высок уровень абсентеизма, в результате чего Себастьян Пиньера, избранный в 2017 г., является, по сути, президентом меньшинства: из 14 млн чилийцев, имевших право голоса, его поддержали только 3,8 млн. Чилийские протесты принципиально отличаются от остальных незавершенностью и неопределенностью перспектив. После попытки властей урегулировать ситуацию (отмены повышения тарифов и смены ряда лиц в правительстве) противостояние продолжилось с требованием глубокой политической реформы. Власти пошли на уступки, согласившись провести в апреле 2020 г. плебисцит по реформе Конституции, однако любое неверное решение грозит новым социальным взрывом. Чилийскую протестную динамику можно рассматривать как классический пример реализации трансформационного подхода в конфликтологии, согласно которому конфликт не разрешается, но переходит в новые формы [Mitchell, Christopher, 2002].

Соседнюю **Боливию** социально-политический кризис охватил после всеобщих выборов 20 октября 2019 г. В результате трехнедельных протестов преимущественно средних слоев, а также вмешательства военных переизбранный президент Эво Моралес был вынужден уйти в отставку [Чернышев, 2020]. Неожиданность взрыва усиливалась тем, что в последние годы экономика Боливии демонстрировала поступательный рост, а социальные программы достаточно эффективно решали проблему бедности [Воротникова, 2019]. Ключевую роль сыграли факторы сугубо политического и даже социально-психологического характера: резкое ухудшение международного положения левого правительства, стремление среднего класса вывести на политическую арену своих представителей и др. Боливийские события актуализировали проблематику государственных переворотов и привели к сужению левого сегмента в регионе (одним из первых внешнеполитических решений новых «властей де-факто» стал выход из Боливарианского альянса)¹⁷.

Заключительным «аккордом» южноамериканской фазы потрясенной 2019 г. стали протесты в **Колумбии**, начавшиеся в конце ноября. К концу декабря 2019 г. страна пережила три общенациональные забастовки и серию «кастрюльных маршей» (исп. — *cacerolazo*)¹⁸. По мнению российского политолога М.Г. Абрамовой, «обострение было вызвано заявлением нескольких бывших партизанских лидеров Вооруженных сил Колумбии (FARC) о том, что они возобновят вооруженную борьбу» [Абрамова, 2020: 122]. С нашей точки зрения, внутри Колумбии не было четкого триггера нынешней фазы протестов. Можно сказать, сами волнения в Эквадоре и Чили выступили в роли колумбийского «детонатора». Вместе с тем протесты стали следствием комплекса внутренних факторов, таких как громкие коррупционные дела в высшем эшелоне власти, систематические убийства общественных лидеров и представителей политических движений, диаметральный разворот властей в отношении мирного соглашения с FARC, сокращение участия государства в ряде сфер экономической и общественной жизни. Протестный подъем в Ко-

---

¹⁷ Bolivia anuncia su retiro de la Alba y analiza su salida de Unasur // EFE. 15.11.2019. Available at: <https://www.efe.com/efe/america/politica/bolivia-anuncia-su-retiro-de-la-alba-y-analiza-salida-unasur/20000035-4112073> (accessed: 19.02.2020).

¹⁸ Традиционные для многих стран Латинской Америки мирные уличные манифестации, во время которых средством выражения недовольства является битье по кастрюлям. В Колумбии помимо шествий подобного рода протестующие устраивали аналогичные митинги напротив здания Национального конгресса в целях психологического давления на власть.

лумбии, как и в Чили, продемонстрировал, как может прорываться накопленное за десятилетия общественное недовольство. Власти пошли на уступки, согласившись пересмотреть ряд законов, в частности трудовое законодательство, однако, как и в случае с Чили, паллиативные меры не выводят конфликт из открытой фазы.

Здесь перечислены лишь самые резонансные из протестных выступлений в регионе, «за скобками» оставлены крупные социально-политические потрясения 2019 г. в Гватемале, Гондурасе, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Панаме, Парагвае. Из обзора видно, что «общего знаменателя», который послужил бы причиной основной протестов, у отдельных страновых случаев нет и налицо доминирование факторов эндогенного характера. Вместе с тем две особенности указывают на то, что феномен глобальной протестной волны 2019 г. — явление не случайное, но представляющее собой сложный и пока не до конца познанный процесс.

Первая из указанных особенностей — полная (в подавляющем большинстве случаев) неожиданность происходящего для властных элит государств, где наблюдались протесты. Растерянность, стремление пойти на уступки, невозможность быстро погасить протестные выступления силой, желание как можно скорее сбить волну недовольства и перевести события в спокойное русло — вот чем характеризовались действия властей, столкнувшихся с волнениями. Российский латиноамериканист Л.С. Окунева не без основания отмечает: «Без явных лидеров, зачастую имея молодежную социальную базу, массовые манифестации стали неожиданными и поразили не только собственные правительства, но и весь мир своим напором и интенсивностью» [Окунева, 2020: 8]. Иными словами, субъективный фактор политики в лице властей, традиционной оппозиции и в целом политического истеблишмента столкнулся с неподконтрольным и стихийным общественным процессом, воздействовать на который быстро и без крайне негативных последствий оказывается просто невозможно.

Вторая важная особенность протестов 2019 г. — практически синхронное разворачивание массовых выступлений во многих странах. Неслучайно некоторые обозреватели квалифицировали волну как «протестный вирус, распространяющийся по миру»¹⁹. Одновременность глобальных протестов, особенно отчетливо продемонстри-

---

¹⁹El virus de la protesta se extiende por el mundo // La Vanguardia. 01.12.2019. Available at: <https://www.lavanguardia.com/internacional/20191201/471949650735/virus-protestas-mundo.html> (accessed: 15.02.2020).

рованная в Латиноамериканском регионе, есть признак единства внешне различных и разрозненных событий. В географии распространения «вируса» можно четко выделить траекторию его движения и увидеть культурно-миграционный механизм, лежащий в его основе. Начавшись во Франции в 2018 г., протесты переместились на Ближний Восток и в Северную Африку. Самые бурные выступления в 2019 г. наблюдались в Алжире и Ливане — бывших французских владениях, где и по сей день сохраняется мощное социокультурное влияние экс-метрополии. Миграционные потоки в Латинскую Америку из арабского мира в целом и из этих государств в частности имеют давнюю историю [Борзова, Савичева, 2017; Кудеярова, 2017]. Например, латиноамериканская диаспора в Ливане составляет, по оценкам, от 10 до 12 млн человек и значительно превосходит население исторической родины²⁰. В целом же количество мигрантов арабского происхождения и их потомков в странах, вовлеченных в протестную волну, довольно весомо: в Колумбии — 1,5 млн человек, в Чили — 800 тыс., в Эквадоре — 250 тыс. Есть основания полагать, что миграционный фактор внес существенный вклад в «экспорт» протестных настроений. Таким образом, в определенной степени можно говорить о процессе «интернационализации» протеста «желтых жилетов». На факт связи между французскими и мировыми протестами обращают внимание ряд авторов. Например, исследователь из испанского «мозгового центра» CIDOB²¹ Эдуард Солер отмечает: «Цикл мобилизаций, которые интенсифицировались во второй половине 2019 г. прежде всего в Латинской Америке, имеет в качестве отправной точки протесты “желтых жилетов” во Франции. В 2019 г. во многих протестах имело место их копирование. Это очень разные протесты, например, одни — против авторитарных режимов, другие против демократических правительств, одни протесты с высоким уровнем насилия, другие — нет»²². Вне Латинской Америки, но в Западном полушарии эффект «желтых жилетов» отмечен в Канаде,

---

²⁰ Más de 10 millones de libaneses empujan el crecimiento social y económico de América Latina // INFOBAE. 25.06.2014. Available at: <https://www.infobae.com/2014/06/25/1575973-mas-10-millones-libaneses-empujan-el-crecimiento-social-y-economico-america-latina/> (accessed: 15.02.2020).

²¹ Барселонский центр по международным делам (Barcelona Centre for International Affairs).

²² El metro, el pan, el WhatsApp: las grandes protestas de 2019 comenzaron con una chispa de desigualdad // El Diario. 22.12.2019. Available at: https://www.eldiario.es/internacional/metro-whatsapp-chispa-protestas-desigualdad_0_976052626.html (accessed: 15.02.2020).

где французская диаспора обладает большим общественным весом. Здесь возникло одноименное протестное движение, правда, с противоположной — праворадикальной — повесткой [Кузнецова, 2019].

Бывший экономист Всемирного банка Б. Миланович, комментируя феномен синхронности, отмечает, что глобальные протесты не направлены против глобализации, «но порождены самой глобализацией»²³. С этим мнением можно согласиться. Действительно, в отличие от первых волн анти- и альтерглобализма, теперь недовольство не концентрируется на самом феномене глобализации, а носит более конкретный и сфокусированный характер. Вместе с тем было бы преждевременно квалифицировать глобальную волну недовольства как «глобализацию протеста», поскольку такой формат предполагает наличие прямых и непосредственных связей между протестными очагами, в частности выражение солидарности, согласование действий и т.д. Пока же каждый случай, при всей объективно международной обусловленности, субъективно носит замкнутый на себя характер. Происходит, образно выражаясь, «взрыв вулканов» без видимой взаимосвязи и осознанного взаимодействия. Тем не менее стоит признать, что, существуя в едином информационном и международном пространстве, каждый протестный случай объективно не может быть изолирован от другого. Несмотря на то что страновые всплески недовольства происходят без прямой апелляции друг к другу, внешне они выглядят единым процессом. На языке социальной философии такой феномен можно обозначить как «латентное единство».

Многие аналитики, стремясь выявить причины активизации протестов в мире в целом и в Латинской Америке в частности, указывают на факторы социального и экономического характера. Самые популярные объяснения — рост разрыва доходов как в глобальном, так и в латиноамериканском масштабе, а также пробуксовка неолиберальных методов управления, формируемых международными финансовыми институтами по единым лекалам²⁴. Имущественная поляризация влечет за собой рост социальной напряженности, которая находит протестный «выход» под воздействием специфических для каждого государства триггеров. Что же касается неоли-

---

²³ 2019: La revuelta global contra el aliento de lo irreparable // La Voragine. 28.12.2019. Available at: <https://lavoragine.net/2019-la-revuelta-global-contra-el-aliento-de-lo-irreparable/> (accessed: 20.02.2020).

²⁴ Lafuente J. La desigualdad moviliza a América Latina // El País. 27.10.2019. Available at: https://elpais.com/internacional/2019/10/26/america/1572112346_368643.html (accessed: 20.02.2020).

беральных рецептов МВФ и Всемирного банка, то данный фактор действительно оказался самым повторяющимся в роли протестного «детонатора» (Эквадор, Пакистан, Гаити, Египет). Нисколько не подвергая сомнению важность обоих факторов и разделяя мнение, что растущее неравенство вносит немалый вклад в эскалацию социальной конфликтности, предложим несколько иную исследовательскую стратегию с целью задать более высокий аналитический регистр в подходе к данному вопросу. С нашей точки зрения, проблема глобальных протестов носит комплексный характер, пониманию которого наиболее отвечал бы междисциплинарный подход, включая социально-философский аспект.

Понятие «социальная сингулярность» и его объяснительный потенциал в свете глобальных протестов

Феномен глобальных протестов 2019 г. еще станет предметом политологических исследований, здесь же хотелось бы выдвинуть ряд теоретических гипотез, которые еще предстоит доказать или опровергнуть будущей практикой глобальных социальных действий.

Признак синхронности, безусловно, можно вывести из общих тенденций современных международных отношений: усиления взаимосвязи глобальных экономических (транснационализация мировой экономики) и политических процессов, интенсификации межконтинентальных и внутрирегиональных миграционных потоков, экспоненциального роста скорости передачи информации с помощью глобальных социальных сетей. Однако каждый из указанных факторов в отдельности недостаточен для полного объяснения происходящего.

По всей видимости, мир имеет дело с кумулятивным, синергетическим эффектом данных факторов, который приводит глобальную социальную сферу в принципиально новое качественное состояние. Важнейшими его характеристиками выступают уровень и глубина взаимосвязи глобальных социальных отношений, а также скорость распространения социальных процессов в мировом масштабе. Большинство глобальных процессов уже характеризуются online-режимом функционирования. «Online-процессы» уже давно освоены мировой финансовой сферой, можно также говорить и о функционировании мировой политики в формате online. Если в области финансов речь идет о супервысокой скорости транзакций, когда одним кликом «мыши» можно перевести капиталы с одного континента

на другой, в мировой политике — о синхронном взаимодействии в принятии политических решений, то в глобальной социальной сфере — о высокой скорости *распространения социальных процессов*, включая протестные. Нынешняя волна протестов дает основания предполагать, что мир вступает в такую фазу, где существует глобальная «социальная online-сфера». Интернет и соцсети выступают проводниками и средствами обеспечения такого качественно нового состояния. Например, исследователи НИУ ВШЭ, оперируя крайне удачным и эвристичным понятием «глобальная информационная связность», полагают, что «арабская весна», будучи проявлением «фазового перехода» мир-системы, была подготовлена ростом влияния именно этого фактора [Коротаев и др., 2016: 117].

Существенно расширить аналитическое пространство, в котором может быть осмыслен феномен высокой скорости распространения в глобальном масштабе социальных процессов (и протестов 2019 г. как их конкретно-исторического проявления), можно путем использования такого социально-философского понятия, как «социальная сингулярность» (или «историческая сингулярность»). Данный термин введен футурологом Максом Бордерсом в книге с одноименным названием [Borders, 2018]. В исследовании рассмотрен «веер» глобальных социальных последствий процессов децентрализации, в том числе в государственно-политической плоскости. В целом данный подход укладывается в парадигму эрозии государства как института мировой политики, сформулированную японским политологом Кеничи Омаэ [Ohmae, 1999] и выступающую в конечном счете теоретическим обоснованием гегемонистской роли транснациональных структур в мировой конкуренции с этатистскими акторами. Предложенная далее трактовка «социальной сингулярности» имеет лишь внешнее, терминологическое сходство с подходом М. Бордерса.

Данное понятие можно рассматривать по аналогии с естественно-научным (физическим) термином «космологическая сингулярность». При всей метафоричности и очевидных ограничениях терминологического переноса из космологии в социологию данное понятие обладает объяснительным потенциалом. Опыт подобной аналогии уже есть — это набирающий научную популярность термин «технологическая сингулярность», применяемый и в гуманитарных исследованиях [Попова, Абрамова, 2018], но здесь затрагивается иной ракурс. Напомним, что в физике под точкой «космологической сингулярности» понимается бесконечно плотное начальное состояние материи до момента Большого взрыва, характеризующееся

бесконечно высокими значениями температур. Развивая этот образ и переложив два параметра «космологической сингулярности» — плотность и температуру — на глобальное общество, можно предположить следующее.

Во-первых, современный мир находится в состоянии максимальной «плотности социальной материи», невиданной ранее в истории человечества. Интернет и трансконтинентальные информационные коммуникации фактически сужают мировое пространство до размеров «глобальной деревни», а то и «квартиры», где можно online, буквально «как на кухне», пообщаться с человеком в другой точке планеты. Этим обусловлены фактическая синхронность и взаимосвязанность большинства социальных, экономических и политических процессов. Есть еще один аспект возрастания социальной плотности современного общества, недавно обнаруженный Пентагоном. Речь идет не просто об информационной плотности, но буквально о физической плотности социальной действительности. Имеется в виду не экспоненциально развивающийся процесс урбанизации, а «сжатие» самого физического пространства современного общества, связанное с развитием транспортных технологий. Недавно в США сделали заявление, что появилась возможность доставить любого человека в любую точку Земли не более чем за час²⁵. Подобные сверхскоростные технологии способны «сжать» человечество до немыслимых ранее масштабов. Пока область применения этих технологий, по всей видимости, сугубо военная (как первоначально и интернета), но мы знаем, сколь быстро военные технологии переключаются в гражданскую сферу. Какие это повлечет последствия — вопрос открытый.

Во-вторых, можно говорить о неуклонном повышении «социальных температур» во многих регионах, в первую очередь в Латинской Америке, в арабском мире, частично в Азии (Гонконг, Пакистан, Индия) и Западной Европе («желтые жилеты» во Франции, Каталония). Катализаторами этого процесса выступают местные уникальные факторы (как в случае обусловленности протестов в разных странах), но тот факт, что мир входит в новую фазу социальной накаленности, — объективная реальность. Речь идет о росте «температур» и напряженности не столько в сфере межгосударственного взаимодействия, сколько в плоскости отношений «власть–общество».

---

²⁵Tingley B. Recently retired USAF general makes eyebrow raising claims about advanced space technology // The WarZone. 11.12.2019. Available at: <https://www.thedrive.com/the-war-zone/31445/recently-retired-usaf-general-makes-eyebrow-raising-claims-about-advanced-space-technology> (accessed: 15.02.2020).

Синергия двух данных факторов дает новое качество социальной мобилизации, что эмпирически подтверждает опыт глобальных протестов. Социальная активность в таких условиях может оперативно разворачиваться как во времени, так и в пространстве (включая социальное): а) молниеносно под воздействием, казалось бы, не критически важных факторов и триггеров; б) вовлекая в свою орбиту максимально широкие социальные слои. Французские исследователи из Института стратегических международных отношений (L'Institut de relations internationales et stratégiques, IRIS), анализируя глобальные протесты в статье «Почему столько людей протестуют сразу?», квалифицируют движения, вовлеченные в волну, как «межклассовые» (interclastas) [Billion, Ventura, 2020: 44]. С нашей точки зрения, более корректно, исходя из стратификационного подхода, было бы обозначать их как «межстратовые», поскольку понятие «класс» имеет устоявшееся марксистское содержание, однако мысль авторов понятна. Действительно, у большинства вовлеченных протестных движений нет четкого авангарда, они максимально разнородны с очень широкой социальной базой. Примером могут служить как французские «желтые жилеты», так и протестные акторы в Эквадоре (что будет показано далее).

Поскольку глобальная социальная материя характеризуется новым качеством как социальной плотности, так и социальных «температур», не приходит ли на смену некогда популярной «теории» Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории» новая парадигма? Условно ее можно назвать «исторической сингулярностью» или «новым началом истории». Однако здесь мы входим в область более широкого историко-философского исследования.

В свою очередь гипотеза о новом качестве глобальной социальной сферы, теоретически описываемом понятием «социальная сингулярность», позволяет выдвинуть гипотезу второго порядка. Возникшее качество «социальной сингулярности» в среднесрочной перспективе может стать фактором формирования феномена «прозрачности» глобальных социальных отношений. Термин «прозрачность» применительно к социальной сфере введен отечественным философом-марксистом Е.Н. Харламенко. В диссертационном исследовании, посвященном производственным и социальным отношениям, автор дает концептуальное определение: «Под “прозрачностью” здесь понимается внешнее, т.е. непосредственно наблюдаемое либо требующее минимального анализа и обобщения, проявление производственных отношений, наиболее соответствующее внутреннему содержанию; отсутствие объективной видимости, заслоняющей

сущность» [Харламенко, 2003: 22]. В данном случае имеется в виду Великобритания в период ее становления как «мастерской мира» в XVIII в., однако исследователь приводит и ряд других примеров такого рода «прозрачности» — от античных Афин и Рима до российского рабочего движения начала XX в. Показательно, что во все подобные моменты, связанные чаще всего с «классическими» эпохами всемирной истории, социальные отношения формировались «на основе отношений производства всемирно-исторического масштаба» [Харламенко, 2003: 22]. Возможно, нынешние глобальные волны протестов на практике прокладывают путь к обретению свойства «прозрачности» социальными отношениями, складывающимися уже в качественно новом масштабе — общемировом. Данную теоретическую гипотезу представляется уместным высказать в тот исторический момент, когда в мире происходит «кипение» в самой социальной сфере.

В последние годы в академических дискуссиях все чаще звучит констатация современной эпохи как переходной. Так, член-корреспондент РАН В.М. Давыдов отмечает, что ситуация на мировой арене «теперь кардинально осложняется втягиванием мирового сообщества в глобальный переход, ведущий к качественно иному режиму воспроизводства мировой экономики и системы международных отношений, в основе чего находится кардинальная смена технологической парадигмы. <...> Начавшийся переход впервые столь глубоко и радикально преобразует производственный базис, общественную среду, каждодневный быт и даже духовную атмосферу, короче, весь механизм развития» [Давыдов, 2019: 37]. Представляется, что понятие «социальная сингулярность» отражает новый аспект состояния переходности современного мира.

Изложенное содержание понятия не претендует на окончательность и высказано в режиме поисковой гипотезы. В ответ на возможную критику касательно того, что оно слабо эмпирически редуцировано и трудно поддается «замеру», отметим, что, с нашей точки зрения, уже сам факт волны глобальных протестов выступает как эмпирическое проявление состояния сингулярности в социальном аспекте. При этом было бы некорректно ставить знак равенства между феноменами «социальной сингулярности» и глобальных протестов. Первое понятие намного шире, а второе выступает лишь частным конкретным модусом его проявления. С нашей точки зрения, в том же методологическом ключе может быть рассмотрена и глобальная эпидемия COVID-19 в 2020 г. И здесь на первый план выходит уже другой, глобальный социально-медицинский модус

«социальной сингулярности», однако анализ данного аспекта выходит за предметные рамки статьи.

Далее мы детально рассмотрим эквадорский кейс как органичную часть латиноамериканских и глобальных протестов и проанализируем его в контексте сформулированной гипотезы.

Эквадорский социально-политический кризис: предпосылки, причины, динамика протестов

Эквадорский case-study показателен по ряду моментов. Во-первых, массовые выступления в этой андской стране стали «точкой входа» латиноамериканской протестной волны в наиболее острую фазу (октябрь–декабрь 2019 г.) и в определенной мере послужили примером для соседей. Во-вторых, цикл протестов в Эквадоре претерпел полную эволюцию конфликта в его классической схеме — от возникновения до относительной нормализации. Кульминационная фаза эскалации пришлась на короткий промежуток времени — 3–12 октября 2019 г. Наконец, в-третьих, данный протестный эпизод выступает ярким примером для иллюстрации состояния «социальной сингулярности» в национальном масштабе. Действительно, здесь в максимально сжатом временном промежутке произошла конвергенция всех указанных ранее характеристик: высокая скорость распространения протестных процессов в сочетании с достигшими максимума «социальными температурами» привела к всеобщей мобилизации и формированию межстратового коллективного субъекта протеста. Для того чтобы понять контекст социального взрыва, рассмотрим подробнее предпосылки конфликта.

С 2007 г. в Эквадоре развивался процесс социально-политических преобразований, названный «Гражданской революцией»²⁶ и составивший часть «левого поворота». Президенту Рафаэлю Корреа удалось увеличить отчисления транснациональных нефтяных компаний в пользу государства, осуществить широкие социально-экономические программы, значительно снизить уровень бедности. Однако преобразования по сравнению с Венесуэлой и Боливией не были столь радикальными, прежде всего в силу объективных причин: особо тесной привязки экономики к «северному соседу» (валютной единицей страны еще с 1999 г. является доллар США) и геополитического окружения (оба сухопутных соседа — Колумбия и Перу — были далеки от «левого поворота»). В Эквадоре не было

---

²⁶ Период президентства Рафаэля Корреа (2007–2016) принято называть «Гражданской революцией».

масштабных национализаций, политическая оппозиция сохранила значительное влияние, выразившееся особенно во владении крупными СМИ и медиахолдингами. В отличие от других стран «левого поворота», не удалось создать сильной левой партии, способной обеспечивать обратную связь власти с обществом. Основанное Р. Корреа в 2006 г. широкое движение «Альянс за гордую и независимую Родину» (Alianza-PAIS, аббревиатура означает «СТРАНА») даже после преобразования в партию оставалось идейно и политически разнородным, что не могло быть компенсировано жесткой вертикалью руководства. Вакуум заполнялся традиционной в Эквадоре крайней персонализацией политики и власти, а отчасти — активностью низовых социальных движений, то поддерживавших власть, то вступающих с ней в острые конфликты.

После 10 лет относительного внутривнутриполитического спокойствия в Эквадоре началась полоса кризиса. Рубиконом стали всеобщие выборы 2017 г. Р. Корреа удалось закрепить в Конституции право президента на переизбрание, но сам он им не воспользовался. Выдвижение преемника характеризовалось напряженной, хотя преимущественно негласной внутривнутрипартийной борьбой, предвосхищавшей углубление политического кризиса. В итоге «партией власти» был выдвинут Ленин Морено (вице-президент во время первого мандата Р. Корреа, работавший затем в одной из структур ООН). Разрыв с соперником на выборах — банкиром-мультимиллионером Гильермо Лассо — оказался минимальным: 51,15 против 48,65% [Пятаков, 2017]. На протяжении нескольких дней власти не оглашали результатов, что спровоцировало массовые протесты оппозиции с требованиями пересчета голосов. Возле помещения избирательной комиссии был развернут палаточный лагерь сторонников Г. Лассо, его партии CREO (в переводе с испанского — «Создавая возможности») и других правых организаций. Индейское население, традиционно мощный фактор во внутренней политике Эквадора²⁷, в этих протестах не участвовало. Тем не менее страна оказалась на грани государственного переворота (как тогда могли развиваться события, наглядно демонстрирует постэлекторальный кризис в Боливии в октябре 2019 г.). Только согласие власти назначить второй тур выборов и,

---

²⁷ Эквадор — крайне беспокойная в политическом плане страна, о чем свидетельствует ее недавняя история: с 1996 по 2005 г. сменилось восемь президентов, и ни одному из них не удалось завершить свои полномочия в срок. Индейский фактор был главным при смене правительств в истории страны дважды: он сыграл ключевую роль в уходе с поста президента Х. Мауада в 2000 г. и в отставке Л. Гутьерреса в 2005 г.

главное, обещания общенационального диалога, данные Л. Морено, вернули ситуацию в русло видимой стабильности. Экс-президент Р. Корреа после завершения выборов эмигрировал в Бельгию, где планировал заниматься научной деятельностью и проводить время в кругу семьи, однако спокойной жизни дальнейшее развитие ситуации ему не принесло.

Даже после победы на выборах Л. Морено не мог не ощущать опасности если не переворота, то повторения венесуэльской ситуации — затяжного противостояния с оппозицией и введения международных санкций, особенно пагубных для долларизованной экономики Эквадора.

Неблагоприятный международный фон и внутреннее соотношение сил неизбежно сказались на траектории политического процесса. Сторонники «Гражданской революции» предупреждали нового президента об угрозе стабильности политической системы, но у него фактически не было иного выхода: либо жесткий конфликт с оппозицией на фоне победы с небольшим перевесом, либо диалог с «партнерами», ставящими власти свои условия.

Падение цен на нефть на мировом рынке стало еще одним фактором сдвига вправо в Эквадоре, для которого продажа углеводородов всегда была существенной статьёй госбюджета [Шинкаренко, 2019]. С 2017 г. требовалось ежегодно от 8 до 10 млрд долл., чтобы сохранять положительную динамику экономики и иметь возможность платить по внешним долгам²⁸. Поиск источников дополнительного финансирования вынудил правительство Л. Морено снять табу на сотрудничество с МВФ, что соответствовало условиям оппозиции, и реализовать ряд непопулярных мер, включая сокращение на 10% зарплат в госсекторе. Первый визит представителей МВФ в Эквадор для «консультаций» состоялся в июне 2018 г. Вскоре после переговоров последовала новая серия мер «жесткой экономии». В декабре 2018 г. было принято решение о постепенном уменьшении количества министерств вдвое (с 40 до 20), в бюджете на 2019 г. существенно сокращалось финансирование социальной сферы (образования — на 375 млн, здравоохранения — на 194 млн, социальных выплат малоимущим — на 132 млн), впервые в современной истории Эквадора произошло незначительное повышение цен на бензин и дизельное топливо. Данные меры спровоцировали первую вспышку социаль-

---

²⁸Lenín Moreno: ‘Nunca promoveremos paquetazos’ // Telegrafo. 01.08.2017. Available at: <http://www.eltelegrafo.com.ec/noticias/politica/2/presidente-pide-ayuda-ciudadana-para-la-cirugia-mayor-a-la-corrupcion> (accessed: 20.02.2020).

ных протестов. В 2019 год Эквадор вошел в крайне нестабильном положении.

Параллельно с экономическими реформами, вынужденно неоллиберального характера, шел процесс демонтажа сложившейся за годы правления Р. Корреа политической системы. Сразу после инаугурации Л. Морено начал антикоррупционную кампанию (точнее, был вынужден включиться в международный процесс, инициированный правящими кругами США и Бразилии). Наиболее громкое дело касалось вице-президента Хорхе Гласа, с которым Л. Морено вместе участвовал в выборах. Х. Гласу, как и ряду политиков других стран региона, было вменено в вину получение взяток от бразильской строительной компании «Odebrecht». Прокуратура опиралась на поступившие из США данные о получении Х. Гласом 13,5 млн долл. за оформление пяти контрактов с 2012 по 2016 г., когда он руководил соответствующими направлениями экономической политики. Обвинение, которое Х. Глас и Р. Корреа считают юридически некорректным, фактически ставило под удар и экс-президента. На этом основании сначала Х. Гласу сократили полномочия, а затем он и вовсе был снят с занимаемой должности и заключен под стражу. В декабре 2017 г. он был приговорен судом к шести годам заключения. Многие в Эквадоре и других государствах региона продолжают ставить под сомнение юридическую сторону дела и рассматривают его как акт политической борьбы с давним конкурентом. Политическое пространство страны резко раскололось на сторонников Л. Морено и защитников Р. Корреа и Х. Гласа. Л. Морено встретил полное одобрение лидеров оппозиции и резкую критику экс-президента, обвинившего преемника ни больше ни меньше как в предательстве²⁹. Оппоненты Л. Морено заговорили о «правом повороте» внутри «левого поворота». Р. Корреа регулярно публиковал твиты, резко критикуя преемника³⁰. Между бывшим и действующим президентами развернулась настоящая вербальная война.

В декабре 2017 г. корреистское большинство в руководстве правительственной партии сместило Л. Морено с поста ее лидера. Однако сторонники президента, мобилизовав все ресурсы, сумели взять ре-

---

²⁹ Correa define a Moreno como un ‘traidor’ // Notimerica. 13.04.2018. Available at: <https://www.notimerica.com/politica/noticia-correa-define-moreno-traidor-advierte-hay-ecuador-ya-no-puede-llamar-democracia-20180413091306.html> (accessed: 05.04.2020).

³⁰ Crisis en Ecuador: Lenín Moreno vs. Rafael Correa, los antiguos aliados cuya enemistad divide al país // BBC News Mundo. 10.10.2019. Available at: <https://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-49987257> (accessed: 05.04.2020).

ванш. Обозначился раскол во фракции Alianza-PAIS в Национальной ассамблее: за Р. Корреа выступили 28 депутатов, покинувшие посты в парламенте. Виднейшие сподвижники экс-президента — бывший министр иностранных дел Рикардо Патиньо, бывшая председатель Национальной ассамблеи Габриэла Риваденейра и другие — были в итоге смещены с партийных и парламентских постов (первый под угрозой тюрьмы был вынужден эмигрировать в Мексику). Экспрезидент остается за пределами государства, поскольку в стране ему грозит судебное преследование. Его сторонники, утратив большинство в руководстве партии, решили создать новую политическую организацию — «Движение гражданской революции». Р. Корреа позиционирует ее как ведущую оппозиционную силу в отношении действующего президента. К концу 2019 г. движение, не сумев зарегистрироваться в качестве политической партии, вошло в состав парламентской партии «Сила социального обязательства» («Fuerza compromiso social»), представленной в Национальной ассамблее 29 депутатами (вторая по численности фракция после Alianza-PAIS — 40 мандатов). Так некогда близкие соратники превратились в жестких политических антагонистов. Партия власти, утратив из-за раскола твердое большинство в парламенте, стала еще больше нуждаться в поддержке правой оппозиции.

Внутриполитические пертурбации сопровождались крупными сдвигами во внешней политике. Предвестником последовавшей смены курса стала выдача властям Великобритании основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа по запросу спецслужб США [Галибина-Лебедева, 2019]. Л. Морено пошел на явное сближение с Вашингтоном: после визита госсекретаря Майка Помпео в июле 2019 г. было заключено соглашение, предоставляющее возможность американским военным самолетам использовать аэропорт на Галапагосских островах для проведения военных учений³¹. Де-факто данный шаг находился в рамках традиционной для латиноамериканских армий тенденции зависимости от Пентагона [Манухин, 2019]. В августе 2019 г. Эквадор вышел из состава Боливарианского альянса (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA), в сентябре — из Союза южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR). Оба интеграционных объединения были важными региональными компонентами «левого

---

³¹ Tamayo E. Galápagos, ¿de patrimonio de la humanidad a portaviones de EEUU? // ALAI. 11.07.2019. Available at: <https://www.alainet.org/es/articulo/200761> (accessed: 24.02.2020).

поворота». Затем последовало демонстративное снижение уровня отношений с Кубой, с которой Эквадор 27 лет поддерживал тесные связи по линии развития здравоохранения [Борейко, 2018]. В ноябре 2019 г. кубинским медикам предложили покинуть страну³². Таким образом, стремительно были осуществлены кардинальный разворот внешнеполитического курса и слом выработанных годами матриц международного взаимодействия.

В феврале 2019 г. МВФ и правительство Л. Морено заключили предварительное соглашение о предоставлении кредита в 4,2 млрд долл., а в марте Эквадор получил первый транш в 652 млн долл.³³ Через полгода прошел очередной раунд переговоров с кредитной организацией, на котором представители МВФ озвучили программу структурных реформ до 2021 г. Страна вышла на «финишную прямую» к «горячему» октябрю 2019 г.

1 октября 2019 г. Л. Морено объявил о принятии самого крупного пакета мер «жесткой экономии», включавших массовое сокращение госслужащих, урезание зарплат и отпусков, уменьшение социальной поддержки малоимущих, либерализацию цен на топливо и газ, которые ранее субсидировались государством и обходились в 1,3 млрд долл. ежегодно³⁴. Подобные меры привели бы к подорожанию бензина на 60%, дизельного топлива на 200%. В свою очередь это спровоцировало бы рост цен на продукты питания, одежду и пр. и тем самым затронуло бы коренные интересы широких слоев эквадорского общества. Особенно чувствительной для широких масс оказалась отмена субсидий на бытовой газ. На следующий день ведущий профсоюз — Единый фронт трудящихся (Frente Unitario de Trabajadores, FUT) — инициировал общенациональную забастовку, к которой присоединились транспортники и влиятельное индейское движение CONAIE³⁵. Эквадорское общество, особенно

---

³² Regresa a Cuba misión médica que trabajó 27 años en Ecuador y fue cancelada por Lenín Moreno // NODAL. 20.11.2019. Available at: <https://www.nodal.am/2019/11/regresa-a-cuba-mision-medica-que-trabajo-27-anos-en-ecuador-y-fue-cancelada-por-lenin-moreno/> (accessed: 24.02.2020).

³³ Gobierno invertirá 652 millones de dólares del FMI en obras sociales // Sonorama. 15.03.2019. Available at: <https://www.sonorama.com.ec/2019/03/15/gobierno-invertira-652-millones-de-dolares-del-fmi-en-obras-sociales/> (accessed: 24.02.2020).

³⁴ Lenín Moreno anuncia ‘paquetazo’ económico para Ecuador // TeleSur. 02.10.2019. Available at: <https://www.telesurtv.net/news/gobierno-ecuador-medidas-economicas-lenin-moreno-20191002-0002.html> (accessed: 01.04.2020).

³⁵ Самая влиятельная индейская организация Эквадора — Конфедерация индейских национальностей Эквадора (CONAIE) — создана в 1986 г. и традиционно является авангардом протестов на протяжении всей современной истории страны.

молодежь, массово поддержало инициативу, страну охватила волна протестов. Их участники блокировали дороги и аэропорты, захватывали офисы местной власти, объекты инфраструктуры, а также источники воды, большей частью находящиеся в частных руках. На третий день президент ввел чрезвычайное положение и привлек к подавлению протестов армию, в результате 10 человек были убиты, 1340 — ранены, более 200 — задержаны. Протесты стали самыми массовыми с 2005 г., когда был свергнут президент Луисо Гутьеррес. Правительство предложило транспортникам поднять цены на общественный транспорт с целью компенсировать повышение цен на топливо, но это привело к эскалации протестов³⁶. Размах уличного насилия побудил Л. Морено 8 октября передислоцировать правительство из столицы Кито в провинцию Гуаякиль, оплот правобуржуазной оппозиции. Спустя два дня протестующие взяли в заложники восемь полицейских, требуя отмены декрета о снятии субсидий на топливо, установления контроля Конституционного суда над экономическими реформами, раскрытия сути соглашений с МВФ, отставки министров внутренних дел и обороны, переговоров с властью. В ответ правительство ввело по всей стране комендантский час, но и этой мерой смягчить протесты не удалось. Сложилась патовая ситуация, единственным выходом из которой стали переговоры, начавшиеся 15 октября. По их итогам были отправлены в отставку главы армии и Генштаба, а также отменены либерализация цен на топливо и повышение цен на проезд в транспорте³⁷. Опасаясь репрессий после завершения протестов, лидер CONAIE 19 октября призвал членов организации создать собственную армию с целью обеспечить безопасность индейских общин, однако этот шаг был блокирован силовыми структурами³⁸. 23 октября индейцы вышли

CONAIE имеет свое боевое политическое крыло — движение PACHAKUTIK. Название движения, созданного через 10 лет после появления CONAIE, дано в честь девятого правителя империи инков.

³⁶ Gobierno de Ecuador cede y autoriza subir precio de los pasajes de transporte para aliviar alza en combustibles // FrancePress. 08.10.2019. Available at: <https://www.france24.com/es/20191006-ecuador-aumento-pasajes-alza-combustibles-protesta> (accessed: 01.04.2020).

³⁷ Lenín Moreno renueva su cúpula militar tras el fin de las protestas // FrancePress. 16.10.2019. Available at: <https://www.france24.com/es/20191016-ecuador-calma-dos-semanas-protestas> (accessed: 03.04.2020).

³⁸ Jaime Vargas dice que la CONAIE va a organizar su propio ejército // La Republica. 21.10.2019. Available at: <https://www.larepublica.ec/blog/politica/2019/10/21/jaime-vargas-dice-conaie-va-organizar-propio-ejercito/> (accessed: 03.04.2020).

из диалога с правительством, сославшись на преследования членов движения со стороны властей³⁹. К февралю 2020 г. правительство продолжало переговоры с МВФ, однако ситуация оставалась в потенциально взрывоопасном состоянии.

Было бы некорректно сводить причины массовых протестов в Эквадоре к сугубо экономической повестке. Решение о повышении цен стало лишь триггером, поводом к возмущению, выпустив наружу глубинный пласт общественного недовольства, затрагивающий мировоззренческие аспекты. Неслучайно ведущей социально-демографической группой протестов стала молодежь, в том числе индейского происхождения. Если попытаться максимально обобщить ее настроения, то это протест против зависимого и периферийного положения страны. У молодых эквадорцев формируется ощущение, что они находятся на обочине мирового развития, хотя образцы «цивилизованной жизни», в том числе благодаря интернету, теперь легкодоступны и весьма привлекательны для массового сознания. В долларизованной стране свободно «ходят» также фунт стерлингов и евро, что еще больше акцентирует близость к «цивилизации». Между Эквадором и Европейским союзом налажены миграционные потоки, служащие каналом трансляции ценностей «потребительского общества». Социальный взрыв актуализировал требование более справедливого распределения доходов, тогда как сотрудничество властей с МВФ, наоборот, ведет к консервации и усугублению социального неравенства как следствия зависимости и отсталости. Несмотря на то что жизнь в стране вошла внешне в спокойное русло, риски возрождения протестов довольно высоки. Новые президентские выборы предстоят в 2022 г., но Л. Морено согласно итогам инициированного им конституционного референдума 2018 г. уже не сможет выставлять свою кандидатуру.

Как видно, в ходе протестов произошла практически тотальная мобилизация эквадорского общества. В них были так или иначе вовлечены все ключевые социально-профессиональные страты, в том числе многочисленное индейское население. Если рассматривать произошедшее через призму выдвинутой гипотезы, то можно констатировать, что в октябре 2019 г. эквадорское общество вошло в со-

---

³⁹ Movimiento indígena suspende diálogo con el gobierno de Ecuador // Reuters. 23.10.2019. Available at: <https://lta.reuters.com/articulo/ecuador-protestas-dialogo-idLTAKBN1X22A7-OUSLT/> (accessed: 03.04.2020).

стояние «социальной сингулярности», демонстрируя одновременно максимальную синхронность коллективных действий совокупного протестного субъекта, а также высокий накал социально-политической напряженности (высокий градус «социальных температур»). Протесты были сконцентрированы во времени и пространстве. Общество не может длительно находиться под давлением таких мощных внутренних нагрузок. Произошедшая разрядка принесла тактическое, но не стратегическое спокойствие. Насколько долго оно продлится, зависит от массы случайных факторов, которые трудно спрогнозировать.

* * *

Проведенный анализ глобальной волны социальных протестов показал, что не только Латинская Америка, но и мир вошел в конце 2019 г. в фазу социально-политической турбулентности. Как показывает опыт многих латиноамериканских социальных конфликтов, окончательно выйти из кризиса компромиссным путем в большинстве случаев не удастся. После завершения протестов в латентной форме продолжают существовать основания для потенциальной реактивизации новых фаз конфликта, и большая их часть остаются в открытом формате. Для описания неклассических форм конфликта норвежский социолог Йохан Галтунг использовал понятие «энергия конфликта» [Galtung, 1995: 53] — «след», остающийся после разрядки противоборства. Феномен глобальных протестов продемонстрировал, что 2019 год открыл третий этап эволюции социального недовольства в XXI в.

Интерпретируя данный глобальный феномен в свете высказанной концепции «социальной сингулярности», следует отметить, что он стал достаточно зримым и ярким проявлением нового сингулярного состояния глобального общества. Многие регионы мира пришли в синхронное движение в высокой степени независимо друг от друга. Одновременность и массовость такого глобального коллективного действия указывают на то, что в базисе лежат причины объективного характера. Было бы ошибочно абсолютизировать феномен нынешних глобальных протестов как единственное и уникальное проявление «социальной сингулярности». Предыдущие протестные волны с различными региональными очагами (антиглобализм в Западной Европе, «арабская весна» и др.) были необходимыми историческими этапами вызревания нового качественного состояния. Они выступали в роли предпосылочных проявлений «социальной

сингулярности», которая в наиболее зримом, эмпирически фиксируемом и на данный момент наиболее зрелом виде воплотилась в форме нынешних протестов.

Необходимо отметить, что состояние «социальной сингулярности» не есть некая константа: это динамическая, подверженная колебаниям величина. Международные процессы начала 2020 г. показали, что волна глобальных протестов может так же быстро угаснуть, как и в свое время быстро поднялась. Это не значит, что исчезла объективная основа протестного процесса: изменились конъюнктурные, ситуативные условия, переведшие его в латентное состояние (хотя на поверхностном уровне угасание протестов может восприниматься как полное исчезновение). Глобальные социально-экономические последствия «остановившейся» пандемии COVID-19 в среднесрочной перспективе могут оказаться фактором их новой актуализации. Вряд ли нынешняя волна станет последней в XXI в. В будущем нас ждут новые социальные флуктуации с более серьезными, в том числе всемирными, последствиями. Латинская Америка, по-прежнему остающаяся полигоном соперничества правых и левых политических трендов, занимала и будет занимать в этом процессе если не центральное, то очень важное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М.Г. Латинская Америка — проснувшийся вулкан? (взгляд из Евросоюза) // Европейский союз: факты и комментарии. 2020. № 98. С. 120–123.
2. Борейко А.Н. Концепция прав человека и сотрудничество Кубы с Венесуэлой и Эквадором в социальной сфере // Латинская Америка. 2018. № 6. С. 19–29.
3. Борзова А.Ю., Савичева Е.М. Особенности арабской миграции в страны Латинской Америки // Латинская Америка. 2017. № 8. С. 48–59.
4. Бурмо Д., Лапина Н.Ю. Движение «желтых жилетов»: взгляд из России и Франции // Россия и современный мир. 2019. № 3 (104). С. 37–63.
5. Визгунова Ю.И., Воротникова Т.А., Дабагян Э.С. и др. Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИЛА РАН, 2017.
6. Воротникова Т.А. Левые режимы в Боливии и Эквадоре: десять отличий // Латинская Америка. 2019. № 11. С. 15–25.
7. Галибина-Лебедева Е.С. Преследование Джулиана Ассанжа как отражение финансовой зависимости Эквадора от США // Латинская Америка. 2019. № 9. С. 38–50. DOI: 10.31857/S0044748X0006153-7.

8. Давыдов В.М. Устойчивое развитие как общий знаменатель // *Международная жизнь*. 2019. № 10. С. 32–45.
9. Дьякова Л.В. Чили: ревизия старых компромиссов // *Латинская Америка*. 2018. № 2. С. 5–15.
10. Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Исаев Л.М. Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 3. С. 108–122. DOI: 10.17976/jpps/2016.03.09.
11. Коротаев А.В., Шишкина А.Р., Лухманова З.Т. Волна глобальной социально-политической дестабилизации 2011–2015 гг.: количественный анализ // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 6. С. 150–168. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.11.
12. Кудярова Н.Ю. Эпоха массовых миграций в Латинской Америке: глобализация vs локализация // *Латинская Америка*. 2017. № 2. С. 76–91.
13. Кузнецова А.В. Леворадикальные политические партии и движения Канады // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. 2019. Т. 13. № 4. С. 58–66. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-4-58-66.
14. Лунев С.И. Социальные протесты в Индии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2015. № 4 (43). С. 198–207.
15. Манухин А.А. США и вооруженные силы стран Латинской Америки: в поисках новых форм влияния // *Россия и Америка в XXI веке*. 2019. № 1. С. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9.
16. Окунева Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // *Латинская Америка*. 2020. № 1. С. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9.
17. Попова А.В., Абрамова М.Г. Технологическая сингулярность как точка невозврата: назад в будущее? (философско-правовой взгляд) // *Российский журнал правовых исследований*. 2018. № 3 (16). С. 39–47.
18. Пятаков А.Н. Латиноамериканский альтерглобализм — новый фактор в региональной политике: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2007.
19. Пятаков А.Н. Победа Ленина Морено в Эквадоре // *Латинская Америка*. 2017. № 6. С. 17–27.
20. Розенталь Д.М. Анатомия политического кризиса в Венесуэле // *Пути к миру и безопасности*. 2019. № 1 (56). С. 22–33.
21. Сергеев С.А. Социальные движения и левые радикалы в начале XXI века // *Управление устойчивым развитием*. 2018. № 4 (17). С. 83–89.
22. Социальный протест на современном Востоке / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: МГИМО; Аспект Пресс, 2016.
23. Талев Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2009.
24. Харламенко Е.Н. Классовые и социальные отношения как сферы общественной реальности: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2003.

25. Хейфец В., Хадорич Л. Союз южноамериканских наций: туманные перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 6. № 2. С. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93.
26. Чернышев А.Л. Постэлекторальный кризис 2019 г. в Боливии: региональный фактор и роль силовых структур // *Латинская Америка*. 2020. № 1. С. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0.
27. Шинкаренко А.А. Эквадор на пути к постэкстрактивистской реальности // *Латинская Америка*. 2019. № 3. С. 38–49. DOI: 10.31857/S0044748X0004002-1.
28. Шумаков А.А. «Желтые жилеты»: генезис движения // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2019. № 1. С. 19–32.
29. Яковлев П.П. Испания на крутом политическом вираже // *Свободная мысль*. 2018. № 4 (1670) С. 99–112.
30. Astakhova E.V. Particularidades del discurso politico del partido español PODEMOS // *Iberoamerica*. 2016. № 1. С. 117–133.
31. Billion D., Ventura Ch. Por qué protesta tanta gente a la vez? // *Nueva sociedad*. 2020. No. 286. P. 37–52.
32. Borders M. The social singularity: How decentralization will allow us to transcend politics, create global prosperity, and avoid the robot apocalypse. *Social Evolution*, 2018.
33. Galtung J. Conflict resolution as conflict transformation: The first law of thermodynamics revisited // *Conflict transformation* / Ed. by K. Rupesinghe. London: Macmillan, 1995.
34. Khenkin S. Sistema político de España: transformación radical // *Iberoamerica*. 2016. № 1. С. 99–116.
35. Mitchell R., Christopher R. Beyond resolution: What does conflict transformation actually transform? // *Peace and Conflict Studies*. 2002. Vol. 9. No. 1.
36. Ohmae K. The borderless world. Power and strategy in the interlinked economy. London: HarperBusiness, 1999.

A.N. Pyatakov

**THE 2019 SOCIAL PROTESTS IN LATIN AMERICA:
GLOBAL CONTEXT AND ECUADORIAN CASE STUDY**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

The paper examines the phenomenon of global social protests that spread in 2019 across more than 20 countries. The author considers the most striking manifestations of this phenomenon that occurred in the Middle East, North

Africa, Western Europe, and Asia. The paper provides a periodization of several waves of anti-globalization movement in the 21st century, whereby the current global unrest represents the third wave. The author identifies specific features of each stage and outlines a growing trend towards politicization and exacerbation of violence. Particular emphasis is made on how the protests in Latin America developed in time and space, as they spread to at least eight states of the region: Haiti, Puerto Rico, Venezuela, Ecuador, Peru, Bolivia, Chile, and Columbia. In each country, protests were triggered by a peculiar set of internal factors which are not susceptible to easy generalization. In order to come nearer to the understanding of the new global phenomenon the author puts forward several socio-philosophical hypotheses. In particular, the possibility of internationalization of the French ‘yellow vests’ movement, its transfer and adaptation to other countries affected by protests, is noted. In that regard the paper outlines certain ‘channels’ for exporting the French protests to Latin America, including migration and cultural ties. The author stresses that although socio-economic explanations of the global protest phenomenon that focus on such issues as the growth of inequality and social polarization, are correct, they are insufficient for a comprehensive understanding of the new and complex phenomenon. As an alternative, the author suggests using the concept of ‘social singularity’. The paper considers the key features of this concept, including the idea that contemporary global social sphere is functioning in an online mode, allowing for increased speed of social interaction and communication on a global scale. Finally, the paper examines the causes and the development of the social unrest that broke out in Ecuador and served as a starting point for escalating the protest movement in Latin America in 2019.

Keywords: global protests, ‘yellow vests’, anti-globalism, Latin America, conflict triggers, social singularity, Ecuador, ‘Civil Revolution’, Indian movements, IMF, neoliberalism.

About the author: *Andrey N. Pyatakov* — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Center for Political Studies, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: anpyatakov@yandex.ru).

REFERENCES

1. Abramova M.G. 2020. Latinskaya Amerika — prosnuvshiiisya vulkan? (vzglyad iz Evrosoyuza) [Latin America — awakened volcano? (View from the European Union)]. *Evropeyskii soyuz: fakty i kommentarii*, no. 98, pp. 120–123. (In Russ.)
2. Borejko A.N. 2018. Kontseptsiya prav cheloveka i sotrudnichestvo Kuby s Venesueloj i Ekvadorom v sotsial’noi sfere [The concept of human rights and

cooperation of Cuba with Venezuela and Ecuador in social sphere]. *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 19–29. (In Russ.)

3. Borzova A.Yu., Savicheva E.M. 2017. Osobennosti arabskoi migratsii v strany Latinskoj Ameriki [The main characters of Arab migration to Latin America]. *Latinskaya Amerika*, no. 8, pp. 48–59. (In Russ.)

4. Burmo D., Lapina N.Yu. 2019. Dvizhenie ‘zheltykh zhiletov’: vzglyad iz Rossii i Frantsii. [Movement of ‘Yellow Vests’: View from Russia and France]. *Rossiya i sovremenniy mir*, no. 3 (104), pp. 37–63. DOI: 10.31249/rsm/2019.03.03. (In Russ.)

5. Vizgunova Yu.I., Vorotnikova T.A., Dabagyan E.S. et al. 2017. *Politicheskie konflikty v Latinskoj Amerike: vyzovy stabil’nosti i novye vozmozhnosti* [Political conflicts in Latin America: Challenges of stability and new opportunities]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

6. Vorotnikova T.A. 2019. Levye rezhimy v Bolivii i Ekvadore: desyat’ otlichii [Left regimes in Bolivia and Ecuador: Ten differences]. *Latinskaya Amerika*, no. 11, pp. 15–25. (In Russ.)

7. Galibina-Lebedeva E.S. 2019. Presledovanie Dzhuliana Assanzha kak otrazhenie finansovoi zavisimosti Ekvadora ot SShA [Julian Assange persecution as a reflection of Ecuador’s financial dependence on the United States]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 38–50. (In Russ.)

8. Davydov V.M. 2019. Ustoichivoe razvitie kak obshchii znamenatel’ [Sustainable development as a common denominator]. *Mezhdunarodnaya zhizn’*, no. 10, pp. 32–45. (In Russ.)

9. Diyakova L.V. 2018. Chili: reviziya starykh kompromissov [Chile: Revision of old compromises]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 5–15. (In Russ.)

10. Korotaev A.V., Shishkina A.R., Isaev L.M. 2016. Arabskaya vesna kak trigger global’nogo fazovogo perekhoda? [Arab spring as a global phase transition trigger]. *Polis. Political Studies*, no. 3, pp. 108–122. (In Russ.)

11. Korotaev A.V., Shishkina A.R., Likhmanova Z.T. 2017. Volna global’noi sotsial’no-politicheskoi destabilizatsii 2011–2015 gg.: kolichestvennii analiz [The global socio-political destabilization wave of 2011 and the following years: A quantitative analysis]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 150–168. (In Russ.)

12. Kudayarova N.Yu. 2017. Epokha massovykh migratsii v Latinskoj Amerike: globalizatsiya vs lokalizatsiya [The mass migration epoch in Latin America: Globalization vs. localization]. *Latinskaya Amerika*, no. 2, pp. 76–91. (In Russ.)

13. Kuznetsova A.V. 2019. Levoradikal’nye politicheskie partii i dvizheniya Kanady [Radical left political parties and movements in Canada]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya*, vol. 13, no. 4, pp. 58–66. (In Russ.)

14. Lunev S.I. 2015. Sotsial’nye protesty v Indii [Social protests in India]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (43), pp. 198–207. (In Russ.)

15. Manukhin A.A. 2019. SShA i vooruzhennyye sily stran Latinskoj Ameriki: v poiskakh novykh form vliyaniya [The United States and the Latin American

military: In search for new forms of influence]. *Possiia i Amerika v XXI veke*, no. 1, p. 14. DOI: 10.18254/S207054760004711-9.

16. Okuneva L.S. 2020. Latinskaya Amerika prishla v dvizhenie: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America has set in motion: What is the meaning of social protests in October 2019?]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 8–21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9. (In Russ.)

17. Popova A.V., Abramova M.G. 2018. Tekhnologicheskaya singulyarnost' kak tochka nevozvrata: nazad v budushchee? (filosofsko-pravovoi vzglyad) [Technological singularity as a point of no return: Back to the future? (philosophical legal view)]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, no. 3 (16), pp. 39–47. (In Russ.)

18. Pyatakov A.N. 2007. *Latinoamerikanskii al'terglobalizm — novyi faktor v regional'noi politike* [Latin American alterglobalism — a new factor in regional politics]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

19. Pyatakov A.N. 2017. Pobeda Lenina Moreno v Ekvadore [Lenin's Moreno's victory in Ecuador]. *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 17–27. (In Russ.)

20. Rozental' D.M. 2019. Anatomiya politicheskogo krizisa v Venesuele [The anatomy of the political crisis in Venezuela]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 1 (56), pp. 22–33. DOI: 10.20542/2307-1494-2019-1-22-33. (In Russ.)

21. Sergeev S.A. 2018. Sotsial'nye dvizheniya i levye radikaly v nachale XXI veka [Social movements and left radicals at the beginning of the XXI century]. *Upravlenie ustoichivym razvitiem*, no. 4 (17), pp. 83–89. (In Russ.)

22. Strel'tsov D.V. (ed.). 2016. *Sotsial'nyi protest na sovremennom Vostoke* [Social protest in the modern East]. Moscow, MGIMO, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

23. Taleb N. 2009. *Chernyi lebed'.* Pod znakom nepredskazuemosti [Black swan. Under the sign of unpredictability]. Moscow, KoLibri Publ. (In Russ.)

24. Kharlamenko E.N. 2003. *Klassovye i sotsial'nye otnosheniya kak sfery obshchestvennoi real'nosti* [Class and social relations as spheres of society reality]. Moscow. (In Russ.)

25. Kheifets V., Khadorich L. 2019. Soyuz yuzhnoamerikanskikh natsii: tumannye perspektivy [Union of South American Nations: Clouded prospects]. *World Economy and International Relations*, vol. 6, no. 2, pp. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-2-85-93. (In Russ.)

26. Chernyshev A.L. 2020. Postelektoral'nii krizis 2019 g. v Bolivii: regional'nii faktor i rol' silovykh struktur [2019 post-electoral crisis in Bolivia: The regional factor and the role of the law enforcement agencies]. *Latinskaya Amerika*, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.31857/S0044748X0007756-0. (In Russ.)

27. Shinkarenko A.A. 2019. Ekvador na puti k postekstraktivistskoi real'nosti [Ecuador on the route to post-extractivism's reality]. *Latinskaya Amerika*, no. 3, pp. 38–49. DOI: 10.31857/S0044748X0004002-1. (In Russ.)

28. Shumakov A.A. 2019. 'Zheltye zhilye': genezis dvizheniya ['Yellow Vests': The genesis of the movement]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 19–32. (In Russ.)

29. Yakovlev P.P. 2018. Ispaniya na krutom politicheskom virazhe [Spain on a steep political U-turn]. *Svobodnaya mysl'*, no. 4 (1670), pp. 99–112. (In Russ.)
30. Astakhova E.V. 2016. Particularidades del discurso político del partido español PODEMOS. *Iberoamerica*, no. 1, pp. 117–133.
31. Billion D., Ventura Ch. 2020. Por qué protesta tanta gente a la vez? *Nueva sociedad*, no. 286, pp. 37–52.
32. Borders M. 2018. *The social singularity: How decentralization will allow us to transcend politics, create global prosperity, and avoid the robot apocalypse*. Social Evolution.
33. Galtung J. 1995. Conflict resolution as conflict transformation: The first law of thermodynamics revisited. In Rupesinghe K. (ed.). *Conflict transformation*. London, Macmillan.
34. Khenkin S. 2016. Sistema político de España: transformación radical. *Iberoamerica*, no. 1, pp. 99–116.
35. Mitchell R., Christopher R. 2002. Beyond resolution: What does conflict transformation actually transform? *Peace and Conflict Studies*, vol. 9, no. 1.
36. Ohmae K. 1999. *The borderless world. Power and strategy in the inter-linked economy*. London, HarperBusiness.